

С СОБОЙ НЕ ВОЗЬМУ

Роман

*Я позабыл на час о зле и боли.
И возомнил — безумный человек! —
Что древо жизни с деревом Любви
Соединил отныне и вовек.*

Валентин Устинов

ГЛАВА 1. Раздать книги, поговорить о себе

Счет пошел на дни, их осталось всего несколько, она даже не возьмет на себя труд сосчитать — сколько именно. Первого апреля она уезжает отсюда навсегда. Первое апреля — никому не верю. День смеха. Так сложилось. Нет здесь ни желания улыбнуться судьбе, чтобы и она не хмурилась в ответ, ни попытки начать новый отсчет с первого числа.

Как хорошо, что ничего не надо собирать в дорогу, нечего упаковывать и отсылать малой скоростью, даже нет надобности покупать билет. Она сядет в свой кроссовер и отправится в путь. Квартира съемная, книги раздала. Большая библиотека с собраниями сочинений классиков осталась у дочери. В последнее время у нее появилось много свободного времени, чтобы читать, но купленные здесь книги она, прочитав, сразу же раздавала. Знала, что никогда больше к ним не вернется. Новая литература вызывает в ней противоречивые чувства, но чаще всего авторы оставляют за собой пустоту. Редкие вспышки высвечивают некоторые фрагменты, что не разгоняет мрак, не рассеивает темень. Пустота!

Она сидит в своем кабинете, где редко удастся побыть одной. Работа. В штатном расписании ее должность носит скромное название — консультант. На самом деле она руководит всей этой машиной, именуемой медиахолдингом. Она — личный представитель хозяина, который давно уже обосновался в Москве.

Странное это ощущение — быть на работе, исполнять все, что было необходимо делать вчера, неделю назад, год. И знать — через несколько дней тебя здесь уже не будет. Но никакого преемника не предусмотрено. Не станет ее — не станет места, должности. Стало быть, не очень нужна была? Ерунда! Это мыслишка из разряда тех, что, мол, дай-ка я себя приспущу, чтобы тут же поднять еще выше. Не надо выше, некуда. Незачем.

Через пятнадцать минут планерка, соберутся редакторы. Газеты, радио, ТВ, Интернет... Все-таки интересно, кто станет проводить планерки вместо нее? И тут же вечный собеседник, который живет где-то за зеркалом, усмехнулся:

— А их не будет вовсе, планерок ваших.

С ним (с ней?) спорить бесполезно, лучше озадачить чем-нибудь вроде «фактора целостности» из учения холистов. Нет знака для разделения мужского и женского начал, высокого и низкого, живого и мертвого. Нет разделения между ничто и нечто. Так что мы с тобой по меньшей мере единое, а потому — сгинь!

Редакторы уже научились более-менее самостоятельно лавировать между рифами жесткой и смехотворной войны губернатора и градоначальника, чьи интересы как раз и представляет ее холдинг. Вернее, так: градоначальник представляет интересы ее хозяина. Кто-то из журналистов назвал эту войну враждой между батькой Махно и атаманом Маруськой. Интересно ли все это будет ей завтра? «Завтра», через несколько дней, начнется новая жизнь. Она будет по капельке выдавливать из себя функционера и замещать освободившееся место женщиной. Не поздно ли, Ольга? Черт возьми вас всех! И ее рейтинг кризис-менеджера вместе с вами! И IQ — в придачу!

Надо зацепиться мыслью за что-то постороннее, не имеющее к ней никакого отношения. Вот! С утра прилипло слово «элоранта» — что, откуда, почему?

— Сейчас посмотрим...

Она выходит в Интернет. «Элоранта» — компания, организующая охоту, рыбалку. Музыка, различные товары, известные личности, телепрограммы. Во главе некий Sami Eloranta, тут и портретик его — лысый, улыбочивый, довольно симпатичный. Не очень понятно, что это — замаскированное сетевое сводничество? Далее. «Элоранта» — компания, взрывные работы для горнодобывающей промышленности. «Элоранта» — некий фонд, обещающий

деньги за лучшую работу в области инновационных идей и исследований. Документы принимаются до пятого апреля, можно еще успеть.

— Точно! — рассмеялась она. — Можно успеть за несколько дней стать женщиной и состряпать инновационную программу!

Фран Эверт Элоранта — финский журналист и политик. Кари Элоранта — финский хоккеист, сделавший неплохую карьеру в НХЛ. В Барнауле — общество с ограниченной ответственностью «Элоранта», мясо, полуфабрикаты, хлебобулочные изделия. Здесь же — одноименный футбольный клуб. Наверное, где-то по дороге наткнулась на рекламный щит, вот и засело в памяти... Зашла в свою электронную почту — уже неделя, как нет ни одного сообщения. Странно, пустота вокруг образовывается еще при ее присутствии.

Начали собираться редакторы. Она вдруг подумала, что еще никому из них не говорила о своем уходе.

А сегодня был камушек. Какой? Кажется, аметист... Точно, вспомнила — аметист! Несколько лет назад ей подарили открытку с наклеенными на ней маленькими отшлифованными сколышками камней, в основном поделочных. Под каждым надпись — что он символизирует. Утрами она привыкла вслепую класть палец на открытку — какой камень нынче выпадет? Аметист указывает на память. Память, да... Интересно, что здесь имеется в виду — свойство нервной системы, показатель умственной организации или нечто семантически неопределенное? «Память — вид служебной переписки в старой России». Мда...

Расселись. И она вдруг поняла, что никакой планерки проводить сегодня не будет. И завтра. И никогда уже больше. И неожиданно для себя начала им рассказывать. Просто рассказывать нечто про них и про себя.

— Вы все знаете, сколько мне лет. Правильно, много. Четыре из них, чуть больше, я провела здесь, в вашем замечательном городе. Одна. Вся моя семья в Барнауле — это вы. И я всегда радовалась этому. Вы, может быть, и не представляете, какие вы замечательные. Даже когда пытаетесь интриговать, это выглядит так мило, по-домашнему. Раньше я работала в газетах и на телевидении в Оренбурге, Новосибирске и уже всерьез поверила в то, что творческая среда вот такой только и бывает — склоки, вранье, подсиживание, когда все на три круга перепутались, пережились и развелись. Тот же Новосибирск — невелика столица, не так уж далека, а все там по-столичному. У вас отношение к браку здоровое, честное, между собой живете более открыто. В вашем городе даже чиновники намного чище, порядочней.

Она остановилась, плохо понимая, откуда берутся слова, в то же время не желая оценивать себя. Присутствующие внимательны и несколько напряжены, ни бумаг, ни диктофонов. Наверно, уместно было бы предложить чай? Нет, так лучше. Напротив нее сидит рано расплывшийся и абсолютно лысый редактор сайта «ПолитСибР», грамотный журналист, политолог. Какие-то они все домашние, почти игрушечные по сравнению с бывшими ее коллегами, новосибирскими акулами. Так и те, если сравнивать, к примеру, с московскими — плюшевые мишки.

— Дочь я воспитывала одна, хотя все это время была замужем. Сейчас она уже взрослая, живет в Москве в небольшой квартирке, доставшейся мне после раздела родительского имущества. Как это ни странно — вместе с отцом. Когда-то давно я вложила деньги в доленое строительство, в московскую компанию. Та потом разорилась, денюжки мои плакали. Шансов, сказали, никаких. А спустя несколько лет вдруг выясняется, что московская мэрия каким-то образом вытянула эту компанию, так что моя квартира через некоторое время готова принять меня. А тут еще объявились старые должники с горячим желанием рассчитаться, ожили давно замороженные акции, бездетная тетка оставила наследство... Бывает такое, — сама никогда до того не верила, что неожиданно будет сваливаться удача за удачей.

Главный редактор радиогруппы — девочка на лицо, хотя ей уже за тридцать, двое детей, — задумчиво смотрит куда-то в законную даль. Она — умница и романтик, мечтающая о пестрой, разнообразной, экзотической жизни, — сама навесила на себя кучу забот. Все мы так, большинство, во всяком случае — сами себя разгоним, потом сами же тормозим.

— После смерти родителей и других родственников началась какая-то возня по поводу загородной собственности, но я сразу же отказалась в ней участвовать. И вдруг выясняется, что мне принадлежит прекрасная подмосковная дача. Потом нечто подобное произошло с семейными ценностями. Кстати, я ведь генеральская дочка. Никогда не говорила?... — помолчала, еще раз обвела всех взглядом. — Для чего я все это рассказываю, не знаете?

Остановила взгляд на редакторе вечерней газеты, любителе съездов, конференций, форумов — лишь бы ехать не за свой счет и куда подальше от рабочего места.

— Вот и я не знаю. В московской земле покоятся мои предки, родители, в Москве моя дочь. У меня теперь есть там свое жилье, есть деньги, чтобы заняться любимым делом...

Потом она раздавала оставшиеся книги, говорила что-то каждому в отдельности, предупреждая, что пробудет здесь еще некоторое время (почему-то она не назвала им этой даты — первое апреля).

Черноволосый красавец-редактор, строгий, рассудительный, подтянутый — иногда ей казалось, что под сорочкой он скрывает офицерскую портупею, — сказал одно слово:

— Жаль.

Жаль, да. Она подумала, что ему в эту минуту пришла мысль о том, что стройность здания, возведенного с их помощью, после ее отъезда может нарушиться. И лишь несколько раз кивнула в ответ, глядя не в глаза — в большие линзы старомодных очков «директор».

Получилось как получилось, вроде со случайными попутчиками разговаривала. Пройдет немного времени, больше уже с ними не быть, никогда не видеть, потому — нате меня всю. Да и не всю, если уж по правде! Она, разумеется, ни за что на свете не стала бы им рассказывать о своем муже, который давно и не муж вовсе, от него

только штамп в паспорте. Еще были долгие годы в Оренбурге — великая и отвратительная школа жизни. «А ведь после этого они вправе больше не заходить ко мне, не звонить, — подумала она. — Каждый из них в этой ситуации может почувствовать себя в чем-то обманутым, обойденным, что ли... Но я же не богатством хвастала, — оправдывала она себя, хотя уверена была: оправдывайся, не оправдывайся — какая-то вина за ней встала...»

Лучше всего прямо сейчас уехать с работы и не показываться до конца дня. Она этого никогда не делала, но теперь все стало по-другому. Исчезни она до самого своего отъезда — скорее всего, никто не хватится.

— Ты растерялась, душечка, — говорила она себе, усаживаясь за руль. — Слишком много неожиданного, не мудрено растеряться. Этак и до больших глупостей недалеко. Но ведь не девочка же... Чертов возраст! Даже самой себе напоминать тошно!

И тут же в голову полезли глупости вроде этой: у каждого возраста есть свои преимущества. Это уж, точно, не молодыми придумано! Вот бы суметь уйти от настоящего, обратиться к глубинам дореволюционного сознания, когда мир не был поляризован, когда до победы двоичного мышления было еще далеко... Она закрыла глаза, кожей почувствовав, как с нее слетают внезапно превратившиеся в лохмотья одежды, остается лишь лоскут, прикрывающий лоно. Молодость — старость, грех — добродетель, свет — тьма, все не так, как понимаем мы сегодня. Эти крохотные, невидимые зазоры между атомами, на которые разложено все и упорядочено, в них неуловимое чудо единства. Раствориться, зайти в эти межпространства!..

Она открывает глаза и видит в зеркале заднего обзора то же самое, что видела утром в большом зеркале ванной комнаты. Здесь, правда, взгляду достается меньше, только часть лица — зачесанные назад обесцвеченные волосы, высокий лоб. Бывший муж ее когда-то сказал, что он у нее мужской, тогда же она с сожалением подумала, что таким ей достался не только лоб. Кстати, почему она не сделает прическу, которая скрыла бы часть этой вызывающе ненужной территории? Легко ведь — но зачем? Дополнительное место для поцелуев — так она успокаивала мужа, когда он сокрушался, что рано начал лысеть.

Глаза. Они пока еще не выцвели, серо-зеленая радужка четко отграничена от чистых белков. Хотя и не таких чистых, как у редактора радиогруппы, — у той глаза невинно чистые, какие обычно бывают у детей. Муж старше ее на тридцать лет, и это уже выходит за нормальные пределы. У них двое маленьких детей, один — совсем кроха. Она несколько раз пыталась примерить ситуацию на себя — ничего не получалось.

Терракотовый Qashqai медленно удаляется от редакционного корпуса. Автомобиль она выбрала по своему вкусу. Не джип и не обычный седан, кроссовер с кузовом «хатчбек», довольно вместительный, но и не сарай на колесах, вроде «хаммера». Как бы там ни было, машина, скорее, мужская, что, как ей кажется, соответствует ее характеру.

А новостные материалы она нынче уже не отсмотрит. И это на сегодня последняя мысль, связанная с производством.

ГЛАВА 2. Несъеденный обед

Подъехала к дому, остановилась возле подъезда. Новая многоэтажка считается элитной постройкой — два лифта в подъезде, консьержка, подземный гараж. И ни одной бабушки во дворе. Ясно, что хозяева здесь молодые и состоятельные, но куда они при переезде из прежних квартир девают стариков? Оставляют вместе с ненужной мебелью? Коты и старушки у подъездов — это приметы какой-то особенной жизни, быть может — удаляющейся безвозвратно. Они, старушки, чинно беседуют друг с другом, возделывают цветники, кричат из окон студентам, чтобы те убирались со своим пивом куда подальше. Нечего детям дурные примеры показывать! Такие дома, такие подъезды, такие старушки были в Новосибирске, в том районе, где она жила, в ее доме.

Коты и старушки... Конечно же, выплыло неспроста!

Коля Шипилов, дорогой друг и великомученик, уехавший из Новосибирска в Москву со словами: «Там проходит передовая линия фронта». Говорил о литературе, а попал под самый настоящий огонь, правда, случилось это позднее, в 1993-м, когда он пытался защищать Белый дом. «В нашем доме, где дети, коты и старушки во дворе дотемна прожигали житье...» — это из его песни, из их молодости. Сорок рублей — гонорар за песню на телевидении, две песни в месяц — вот и жить можно. В конце дня Коля тихонько пробирался за пределами видимости охраны к редакционной комнате, где добрые люди оставляли окна незамкнутыми на шпингалеты. Там и был ему ночлег.

В Новосибирск возврата нет — ни ей, ни Коле. Новосибирск остается в стороне, как все ставшее ненужным, бывшее во временном пользовании. Как Барнаул. Что лучше, что хуже — не имеет значения, когда и то и другое становится прошлым. Коля теперь не приедет никуда, ни по одному земному адресу. Он обитает в других мирах.

В Москве уже давно нет снега, случается даже плюсовая температура, а здесь зима будто и не собирается уходить. Снег во дворах, снег на обочинах, снег на крышах. А совсем скоро Пасха, нынче она ранняя.

Постояв несколько минут, она проезжает мимо своего подъезда. Больше всего ей не хочется сейчас оказаться одной в пустой квартире. Надо, чтобы поблизости был кто-то посторонний, просто живое существо для прикрытия незаселенности этого мира. Слишком часто он бывает перенаселенным, а нынче все наоборот. Наверно, сейчас самое лучшее место для заполнения пустоты — ресторан. Лучше бы кофейня, но в последнее время эти уютные заведения избрали местом встреч деловые люди, политики, заговорщики разных мастей. Кого она только тут не встречала! Между прочим, и сама назначала здесь деловые встречи.